# ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

**А.В. Бакунцев**, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

## «В ГАЗЕТАХ — БЛОК, БЛОК, БЛОК...» ОТКЛИК И.А. БУНИНА НА СМЕРТЬ А.А. БЛОКА

*Предметом рассмотрения в данной статье является остававшаяся до сих пор неизвестной «заметка» И.А. Бунина «Музыка» (1921), которая была написана под впечатлением от известия о смерти А.А. Блока. Выраженная в этой «заметке» позиция в отношении Блока в корне противоречила тому, что о поэте писала эмигрантская пресса. Очевидно, именно поэтому «Музыка», предназначенная для напечатания в газете «Общее дело» (Париж), так и не увидела свет. Сейчас автограф бунинской «заметки» хранится в личном фонде В.Л. Бурцева в Государственном архиве Российской Федерации.*

***Ключевые слова**: И.А. Бунин, А.А. Блок, «Музыка», революция, эмигрантская печать.*

*In the article we examine I.A. Bunin's "note" "The Music" (1921) which has been still unknown. This "note" was written under the impression of A.A. Block's death. Bunin's attitude towards Block in the "note" absolutely contradicted what emigrant press was writing. Obviously this is the reason why "The Music" wasn't published though it had to be printed in the newspaper "The Common Cause" (Paris). Now the manuscript of Bunin's "note" is kept in V.L. Burtsev's personal fund in State Archives of Russian Federation.*

***Key words**: I.A. Bunin, A.A. Block, "The Music", the Revolution, the emigrant press.*

### Введение

Многолетняя (и как будто безусловная) неприязнь И.А. Бунина к А.А. Блоку общеизвестна. Мы знаем о ней прежде всего благодаря самому Бунину, не поскупившемуся на выражение этой неприязни в своих дневниках, письмах, критических рецензиях, статьях, мемуарных очерках и даже некоторых художественных произведениях (вспомним «Петлистые уши», «Митину любовь»). Много злых, ядовитых слов сказано о Блоке и в «Окаянных днях». Все это составляет своего рода *ядро* бунинской «антиблокианы»[1].

Но Бунин не только *писал* о Блоке — он много и *говорил* о нем: например, в ходе частных бесед, споров, публичных выступлений. Эти его, устные, антиблоковские суждения, а также образцы «эпатажного поведения» в отношении поэта и его творчества зафиксированы в разнообразных свидетельствах современников: в том числе в их дневниках (М.А. Кузмин, Г.Н. Кузнецова, В.Н. Муромцева-Бунина), мемуарах (Г.В. Адамович, А.В. Бахрах, Н.Н. Берберова, И.В. Одоевцева, А. Седых, С.Ю. Прегель, В.С. Яновский), письмах (Г.В. Адамович, Н.А. Нолле-Коган). Именно современники предпринимали первые попытки разобраться в причинах несговорчивого бунинского отталкивания от Блока и от всего, что он привнес в русскую литературу. Это отталкивание одни — в смущении, другие — со злорадством объясняли целым набором всевозможных «дефектов», которые будто бы были свойственны писателю: литературной «глухотой», «слепотой», «притупленностью» художественного чутья, ревностью к славе. Только С.Ю. Прегель распознала в бунинском неприятии Блока своего рода «самозащиту», «нежелание поддаться силе чуждого творчества», подчеркивая при этом, что «ничего мелкого в антипатии Бунина не было»[2].

Рассматриваемой теме посвящена и пока еще не слишком большая исследовательская литература [см., напр.: Горелов, 1980; Дякина, 1992; Марченко, 2011, с. 45–73; Смирнов, 2000, с. 264–268; Смирнова, 1982, с. 8–12][3]. В указанных работах также предлагаются различные объяснения бунинской вражды к Блоку. То, что по этому поводу пишут Л.А. Смирнова и А.А. Дякина («Наблюдения, выводы Блока и Бунина разноисходны»), представляется нам наиболее правильным. Подобно названным исследовательницам, мы убеждены, что корень бунинской неприязни к Блоку следует искать не в действительных или мнимых свойствах бунинской натуры (таких, например, как якобы присущие писателю мстительная обидчивость и зависть), а в глубочайшем несходстве «философий творчества» двух поэтов. То, что для одного было художественной «нормой», для другого нередко — «изъяном». В данном случае мы имеем в виду не только чисто «техническую» разницу в стихотворческих и вообще литературных приемах Бунина и Блока, но и индивидуальные особенности мировосприятия каждого из них. Одним из первых на эстетико-психологическую подоплеку «антитезы Бунина и Блока» указал (правда, несколько односторонне и даже, пожалуй, небесспорно) критик и религиозный мыслитель К.И. Зайцев: «На том Божьем мире, который смотрит со страниц Бунина, поистине отчеканен образ его души. Но самый душевный строй Бунина таков, что в произведениях этого волевого творца запечат-

[1] Этот термин заимствован нами из статьи Т.В. Марченко [Марченко, 2011, с. 48, прим. 18]. Однако предлагаемое исследовательницей толкование этого термина («эпатажное поведение Бунина» в отношении Блока и его творчества, фиксируемое современниками-мемуаристами) нам представляется необоснованно узким.

[2] *Прегель С.Ю.* Из воспоминаний о Бунине // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 2. С. 354.

[3] См. также: *Дякина А.* Иван Алексеевич читает Александра Александровича // Учительская газета (Москва). 1992. 6 мая. № 15. С. 7.

лен Божий мир, тогда как в творениях Блока, безвольно откликавшегося на все зовы мира, запечатлена лишь трагедия его души»[4].

Вместе с тем Л.А. Смирнова, А.А. Дякина, Т.В. Марченко совершенно справедливо отмечают и своего рода «перекличку» в поэтике Бунина и Блока. И тот и другой на разных этапах творчества, в разных жанрах и часто в несхожих ракурсах обращались к одним и тем же темам, мотивам, образам: корабля, метели, снега, «иной выси», родины, «революционного демоса» и т.д. Любопытно, что и в области «мировоззренческой» Блок в последние годы жизни (1920–1921) пришел, по-видимому, примерно к таким же выводам, какие в самом начале новой «русской смуты» сделал для себя Бунин. Сегодня совершенно «бунинскими» (чуть ли не в духе «Окаянных дней») кажутся строки из письма поэта к актрисе Н.А. Нолле-Коган от 13 января 1920 г.: «Так долго я молчу, потому что жизнь очень трудна, вечная забота о пропитании, ношении дров и воды, забота о том, <чтобы> выправиться после каждого нового оскорбления и удара кулаком по лицу (последнее пока — фигурально, но всегда может стать действительным)» [цит. по: Иванова, 2012, с. 110].

В то же время и отношение Бунина к Блоку было более сложным, чем представлялось многим современникам (и до сих пор представляется некоторым исследователям). Так, при личном знакомстве в ноябре 1907 г. Блок как человек Бунину, скорее, *понравился*. Бунин приезжал к Блоку, чтобы приобрести у него стихотворения для 1-го сборника «Земля». По свидетельству жены писателя, «Блок произвел на него впечатление воспитанного и вежливого молодого человека»[5]. Много позже, в 1930 г., внимательно, с карандашом изучая перепечатанные в эмигрантской прессе дневники Блока, Бунин говорил близким, что «его мнение о Блоке-человеке сильно повысилось». В особенности писателю пришлось по душе блоковское «понимание некоторых людей: “Нет, он был не чета другим. Он многое понимал... И начало в нем было здоровое”»[6]. Правда, очень скоро Бунин уже потешался над дневником Блока и делал из него выписки, которые должны были свидетельствовать о «глупости» поэта[7].

Столь же противоречивыми были бунинские отзывы о блоковской поэзии. З.Н. Гиппиус Бунин мог сказать: «Я всегда выделял и

[4] *Зайцев К.* Бунин // Россия и славянство (Париж). 1931. 2 мая. № 127. С. 3.

[5] *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М., 2007. С. 412.

[6] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Под ред. А.К. Бабореко. М., 1995. С. 139.

[7] Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М. Грин. М., 2005. Т. 2. С. 181. «Глупый человек», «полупомешанный», «сумасшедший» — подобные эпитеты периодически, начиная с 1910-х гг., встречаются в бунинских текстах о Блоке.



выделяю Блока, всегда говорю, что Блок сделан из настоящего теста»[8], — а в собственном дневнике записать: «Читаю Блока — какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственный. <...> Да, таинственность, все какие-то “намеки темные на то, чего не ведает никто” — таинственность жулика или сумасшедшего. Пробивается же через все это мычанье нечто, в конце концов, оч<ень> незамысловатое»[9].

При этом нельзя забывать о той роли, которую после Октябрьского переворота в бунинском отношении к Блоку стала играть «идеология». Революционность Блока, проявившая себя в его поэзии, публицистике, дневниковой прозе 1917–1921 гг., оказалась «водой» на «мельницу» Бунина. Для писателя, который в своих статьях и устных выступлениях не уставал повторять, что вина за происшедшее в России в немалой степени лежит на русской литературе Серебряного века, блоковский «большевизм» (подлинный или мнимый) был логическим продолжением блоковского модернизма. Потому-то в бунинских пореволюционных суждениях о личности и творчестве Блока чисто литературные оценки неотделимы от идеологических.

Такая «двойственность» дает о себе знать и в том произведении Бунина, о котором пойдет речь в нашей статье. Это произведение — «заметка» под заглавием «Музыка»[10] — до сих пор оставалось неизвестным: предназначенное для опубликования в газете В.Л. Бурцева «Общее дело», оно в итоге не было напечатано. Его автограф хранится в личном фонде В.Л. Бурцева в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Дело 1672. Л. 1–5). А поводом для написания этой «заметки» стала кончина «певца Прекрасной Дамы».

### «Он не был ваш…»

Весть о смерти А.А. Блока застала И.А. Бунина в Висбадене, где он отдыхал вместе с В.Н. Муромцевой в обществе З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Как ни странно, мы очень мало знаем о том, как эта весть была воспринята Буниным. В его опубликованных дневниках на сей счет не говорится ни слова. О реакции Бунина невозможно судить и по дневниковым записям его жены — предельно лаконичным, лишенным всяких эмоций и комментариев (если не считать недоуменных строк по поводу милюковского со-

[8] Там же. С. 77.

[9] Там же. С. 78–79.

[10] У Бунина есть крошечный рассказ (по существу, лирический этюд) под таким же заглавием; он был написан и опубликован в газете «Звено» (Париж) в 1924 г.

поставления Блока с Пушкиным[11]). Тем не менее, как видно из тех же записей, к кончине Блока Бунины и Мережковские не остались безучастны: в течение нескольких дней их разговоры были посвящены почти исключительно Блоку[12].

Несомненно, Бунин следил и за тем, что об умершем в Советской России поэте писала пресса русского зарубежья — в частности, «Последние новости» (Париж). Не исключено, что в Висбаден доставлялись и другие эмигрантские газеты: например, «Общее дело» (Париж), «Руль» (Берлин), «Голос России» (Берлин), «Воля России» (Прага), «Сегодня» (Рига). Помимо этих изданий на смерть Блока откликнулись также газеты «Путь» (Гельсингфорс), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), «Новый путь» (Рига), «Последние известия» (Ревель), «Новый мир» (Берлин), «Время» (Берлин), «Новое русское слово» (Нью-Йорк)[13]. Журналистов интересовали главным образом два вопроса: 1) отчего умер Блок и 2) был ли он все-таки большевиком? Многие считали эти вопросы логически взаимосвязанными.

На первый вопрос у эмигрантской печати не было единого ответа[14]. «Путь», «Новый путь», «Новая русская жизнь», «Последние

[11] См. запись от 14 августа 1921 г.: «Пришло известие о смерти Блока <...> Милюков написал о нем, что он “общепризнанный наследник Пушкина”. Пушкин и Блок?» (Устами Буниных. Т. 2. С. 44). Имеются в виду слова из заметки П.Н. Милюкова «Кончина поэта»: «В лице Александра Блока сошел в могилу выдающийся русский писатель, родоначальник новой школы в русской поэзии, общепризнанный наследник А. Пушкина» (*Милюков П.* Кончина поэта // Последние новости. 1921. 12 авг. № 405. С. 1).

[12] Устами Буниных. Т. 2. С. 44–45.

[13] В большинстве этих изданий ошибочно утверждалось, что Блок умер 11 августа 1921 г. Источником ошибки были «Последние новости».

[14] Впрочем, и в Советской России на этот счет не было единого мнения. Например, «Петроградская правда» сообщала: «Последние 2 $^{1}/_{2}$ месяца поэт был прикован к постели тяжкой болезнью сердца, которая и привела к роковому концу» (<*Б. п.*> Смерть поэта А. Блока // Петроградская правда. 1921. 9 авг. № 165. С. 1). В то же время в некрологах, напечатанных в петроградском журнале «Вестник литературы», говорилось, что Блок умер от цинги (см.: *А.К.* Великая утрата // Вестник литературы. 1921. № 8. С. 9; *Пяст В.* Памяти А.А. Блока // Там же. С. 10). По словам В.А. Пяста, цинга «засвирепела» над Блоком, когда он «отбывал воинскую повинность <...> в Лунинецких болотах, под Пинском». В предсмертных письмах самого Блока и в переписке его современников тоже фигурируют разные «диагнозы»: «сердечная болезнь», «воспаление сердечных клапанов и неврастения, очень жестокая и очень страшная», «цинга, астма и нервное расстройство», «сердечная астма, тихое помешательство и цинга <...> на почве недоедания» [Куванова (публ.), 1981, с. 355; Котрелев, Тименчик (публ.), 1982, с. 529–534]. При этом и в печати, и в частной переписке, естественно, умалчивалось о том, что причиной нервного расстройства (неврастении) был хронический сифилис, обострившийся вскоре после возвращения поэта с фронта в Петроград [см.: Иванова, 2012, с. 402–409]. В 1980-х гг. советские ученые-медики на основании сохранившейся «истории болезни» Блока сделали вывод, что он «погиб от подострого септического эндокардита (воспаления внутренней оболочки сердца), неизлечимого



известия», «Новое русское слово» в качестве причины смерти Блока называли рак[15]; «Новый мир» (со ссылкой на «Петроградскую правду») писал о «болезни сердца»[16]; «Последние новости», «Общее дело», «Руль», «Воля России», «Голос России», «Сегодня» — о «голодной цинге»[17]. Эта последняя версия носила не столько «медицинский», сколько нескрываемый *политический* характер. Для придерживавшихся ее изданий (к слову: наиболее авторитетных в русском зарубежье) «факт» смерти Блока от цинги являлся едва ли не самым убедительным доказательством того, что поэт был не сторонником, а *жертвой* советского режима. И эту точку зрения разделяло большинство эмиграции. Таким образом, ответ на второй вопрос — о принадлежности Блока к большевикам, — за редким исключением, был один и тот же: отрицательный.

«История докажет, — предрекал в «Общем деле» А.А. Яблоновский, — что умерший от цинги раб Божий Александр не мог принадлежать к позорной камарилье III Интернационала. Ни к ликующим Зиновьевым, ни к болтающим Троцким, ни к омывающим руки в крови Лениным. Блок был жертвой среди миллионов других русских жертв, и его “нищенская” смерть должна положить конец всем кривотолкам, ибо эта смерть говорит ясно:

— Блок был честный человек!»[18]

до применения антибиотиков» (Щерба, Батурина, 1987, с. 733]. Таким образом, все-таки подтвердился основной диагноз, обнародованный впервые «Петроградской правдой».

[15] <*Б. п.*> Кончина А.А. Блока // Путь. 1921. 11 авг. № 142. С. 1; *П.Л.* Александр Блок // Новый путь. 1921. 12 авг. № 157. С. 1; <*Б. п.*> Кончина А.А. Блока // Новая русская жизнь. 1921. 12 авг. № 182. С. 3; <*Б. п.*> Смерть Александра Блока // Последние известия. 1921. 12 авг. № 195. С. 4; <*Б. п.*> Александр Блок // Новое русское слово. 1921. 13 авг. № 3122. С. 1.

[16] <*Б. п.*> Кончина Александра Блока // Новый мир. 1921. 19 авг. № 168. С. 3. Правда, газета не сразу поверила известию о смерти Блока. В то время как едва ли не вся эмигрантская печать бурно обсуждала эту новость, один «Новый мир» подверг сомнению ее достоверность (см.: <*Б. п.*> Сообщение о кончине А.А. Блока // Там же. 16 авг. № 165. С. 3).

[17] <*Б. п.*> Александр Блок // Последние новости. 1921. 12 авг. № 405. С. 1; *Милюков П.* Кончина поэта // Там же; <*Б. п.*> Последние дни Ал. Блока // Там же; *Койранский А.* Лицо Ужаса // Там же. 14 авг. № 407. С. 2; <*Б. п.*> <Сообщение о смерти Блока> // Общее дело. 1921. 13 авг. № 392. С. 1; *Яблоновский А.* Александр Блок // Там же. С. 3; *Ветлугин А.* Жизнь без начала и конца // Там же; *Никольский Ю.* Пророк // Там же. 19 сент. № 429. С. 2; <*Б. п.*> Вести из Петрограда // Там же. 22 авг. № 401. С. 3; <*Б. п.*> Сговоритесь! // Там же. 23. авг. № 402. С. 2; *Рахманов Н.* Кончина Александра Блока // Воля России. 1921. 17 авг. № 281. С. 2; *Потресов* (*Яблоновский С.*). Роза и крест // Руль. 1921. 21(8) авг. № 231. С. 2–3; *Литовцев С.* Александр Блок // Голос России. 1921. 14 авг. № 736. С. 2; *В.К.* Академический паек // Там же. 25 авг. № 745. С. 3; *Третьяков В.* Утрата невознаградимая // Сегодня. 1921. 13 авг. № 182. С. 3; и др.

[18] *Яблоновский А.* Александр Блок. С. 3.

По существу, о том же самом писал в газете В.Л. Бурцева и Ю.А. Никольский: «Как должно быть сейчас стыдно тем, кто по поводу “Двенадцати” вопили, что Блок “продался большевикам”, Блок, который умер от цинги, умер от голодухи, умер от советского режима. <...> Мы можем сказать прямо: убийца Александра Александровича Блока — Владимир Ильич Ленин. В число кроликов, над которыми производился эксперимент, по несчастной случайности попал один из величайших русских лириков — Александр Блок»[19].

«Последние новости» еще 12 августа напечатали заметку о «последних днях» поэта: в ней среди прочего говорилось о его неких «начатых работах», которые, «по слухам», будто бы были «заботливо спрятаны покойным и даже закопаны в землю для спасения от надзора ЧК»[20]. Это известие, являвшееся на самом деле легендой, было тотчас подхвачено другими изданиями[21].

В то же время в «Последних новостях» — видимо, в продолжение темы о «посмертных стихах» Блока — И.М. Василевский (Не-Буква), еще не успевший «перекраситься» и соответственно отбыть в СССР, разразился гневной, «в унисон» Яблоновскому и Никольскому, статьей. В ней он тоже обвинял большевиков в фактическом убийстве поэта, призывая при этом в свидетели его будто бы «последние» стихи, которые в действительности были стихами не только *дореволюционными*, но и *довоенными* («Русь» («Ты и во сне необычайна...»), 1906; «Россия» («Опять, как в годы золотые...»), 1908). «Со злобой предвидишь, — негодовал Василевский (Не-Буква), — что большевики устроят ряд демонстраций у свежей могилы Ал. Блока. Как возле могилы Г. Плеханова или П. Кропоткина, как близ святынь Ясной Поляны — будут шумные оказательства коммунистической агитации и пропаганды... “Он был наш!” — будут уверять большевики, ссылаясь на отдельные строфы в поэмах “Двенадцать” и “Скифы”. — Нет, он не был ваш... Он был умучен вами, — четко и ясно свидетельствует каждая строфа последних, посмертных стихов поэта...»[22].

Собственными строфами вторил Яблоновскому, Никольскому и Василевскому «присяжный» поэт-фельетонист Lolo (Л.Г. Мунштейн): «Над могилой вещего поэта / Льют лжецы потоки лживых слез... / Ваша песнь, увы, еще не спета, / Он — свою, душистую — унес. / Вы о нем неистово кричали, / Что он — ваш!.. Но смолкло торжество: / Он от вас ушел в свои печали... / Вы, как всех, замучили его!»[23].

На страницах «Руля» между В.Д. Набоковым и С.В. Яблоновским-Потресовым возник небольшой спор о финале поэмы «Двенадцать». Набоков выражал сомнение в том, что этот финал можно расценивать как «доказательство» блоковского «антибольшевизма», на чем в свое время настаивал М.А. Волошин[24]. Яблоновский-Потресов был не столь категоричен и в конце концов с Волошиным, скорее, соглашался: «О, как смутил этот Иисус Христос! Как дал он одним с восторгом зачислить Блока в свой большевистский лагерь, другим обрушиться на него. <...> Пишущему эти строки тоже казалось, что Христос, идущий впереди [красногвардейцев], обличает Блока. Но прошли годы, перечитываю снова “Двенадцать”, и кажется, что слишком просто и прямолинейно пристегивать к поэту большевизм. Разве такими линиями и красками рисовал бы он Русь и апостолов, если бы был с ними?» По мнению Яблоновского-Потресова, Блок — это «новая, тяжкая жертва, принесенная злым духом большевизму»[25].

«Все те, кто не потерял способности чувствовать, живя среди ужасов Советской России, знали, с кем Блок, ходивший последние дни жизни без рубашки, с поднятым и заколотым воротником пиджака. Он умер, каким жил, одиноким, замкнутым и гордым», — утверждал в «Новой русской жизни» некто Валериан В. При этом он возмущался самим фактом возникновения дискуссии о «политических пристрастиях» поэта: «Блок жизнью и смертью доказал, что для него любовь к России была не тема для политической речи, статьи или хлесткого фельетона!»[26]

Довольно близкими по смыслу оказались высказанные С.Л. Поляковым-Литовцевым («Голос России») и В.В. Третьяковым («Се-

[19] *Никольский Ю.* Пророк. С. 2.

[20] <*Б. п.*> Последние дни Ал. Блока // Последние новости. 1921. 12 авг. № 405. С. 1.

[21] См., напр.: <*Б. п.*> Вести из Петрограда // Общее дело. 1921. 22 авг. № 401. С. 3.

[22] *Василевский И.* (*Не-Буква*). Последние стихи (Памяти Александра Блока) // Последние новости. 1921. 13 авг. № 406. С. 2.

[23] *Lolo.* 11-е августа // Последние новости. 1921. 18 авг. № 410. С. 2. Стихотворные посвящения памяти Блока опубликовали также В. Сирин (В.В. Набоков) — в «Руле» (1921. 14 авг. № 225. С. 2), В.В. Третьяков — в «Сегодня» (1921. 14 авг. № 183. С. 3), Б.П. Ушаков — в «Общем деле» (1921. 16 авг. № 395. С. 2), Е. Смолин (Г.Н. Сосунов) — в «Воле России» (1921. 11 сент. № 303 С. 4).

[24] См.: *В.Н.* [*Набоков В.Д.*] К кончине Ал. Блока // Руль. 1921. 14 авг. № 225. С. 2. «Концепция» Волошина вкратце представлена в дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной (запись от 17 февраля (2 марта) 1919 г.): «Волошину очень нравится “Двенадцать”; он видит, что красногвардейцы расстреливают Христа, и он сказал: — Я берусь доказать это с книгой в руках. Ян не соглашался с таким толкованием, кроме того, он нападал на пошлый язык.

— Поэту я этого простить не могу и ненавижу его за это...» (Устами Буниных. Т. 1. С. 175).

[25] *Потресов* (*Яблоновский С.*). Роза и крест. С. 3.

[26] *Валериан В.* На кресте (Памяти А. А. Блока) // Новая русская жизнь. 1921. 25 авг. № 193. С. 3.

годня») суждения о Блоке и его взаимоотношениях с советской властью. «Блока чуть не причислили к большевикам, — писал Поляков-Литовцев. — Всякий поэт, и тем более такой огромный поэт, как Блок, не нуждается в снисхождении политиков. Его надо брать таким, каким он себя чувствует сам. Следует все-таки сказать, что между большевизмом стихов Блока и большевизмом декретов Ленина, Троцкого и Дзержинского было столько же общего, сколько общего есть между “созвездием Пса и псом лающим”...»[27]. Третьяков, не отрицая блоковской «терпимости» к коммунистическому режиму, тем не менее подчеркивал: «Блока некоторые ошибочно считают большевиком, но кто его хоть немного знал, тот, конечно, понял, что Блок носил в себе богатейшую сокровищницу мыслей и видений, он перерос и большевизм, и многое другое. Все это входило в его душу преломленным через драгоценную поэтическую призму и совсем поглощалось и затмевалось его духовным богатством»[28].

**«Перечитал его статейку...»**

Бунинская давнишняя неприязнь к «первому поэту России» в подобных публикациях находила себе новую пищу. Писателя раздражало не только незаслуженное, на его взгляд, славословие в адрес Блока, но и слишком явное стремление реабилитировать автора «Двенадцати» в глазах антибольшевистской эмиграции, доказать, что он, несмотря на все свои «заблуждения», — «свой», а то и вовсе причислить его к лику христианских новомучеников-страстотерпцев[29]. Молча сносить все это Бунин не захотел и в то время как эмигрантская печать «всем миром» оплакивала Блока, написал своего рода «антинекролог».

В этой небольшой «заметке», озаглавленной «Музыка», с помощью искусно подобранных (но, как обычно у Бунина, не вполне точных) цитат из блоковской статьи «Интеллигенция и революция» (1918) писатель показывал, что для столь безутешной скорби причин, в общем-то, нет и что споры о том, с кем был Блок, лишены всякого смысла. «В газетах — Блок, Блок, Блок... — брюзгливо недоумевал писатель. — Несут о нем и с Дона и с моря, гадают вкривь и вкось. Перечитал его статейку “Интеллигенция и народ”[30] <...>

[27] *Литовцев С.* Александр Блок // Голос России. 1921. 14 авг. № 736. С. 2.

[28] *Третьяков В.* Черты из жизни А.А. Блока // Сегодня. 1921. 1 сент. № 198. С. 3.

[29] См., напр.: *Рахманов Н.* Кончина Александра Блока. С. 2; *Никольский Ю.* Пророк. С. 2; *Валериан В.* На кресте (Памяти А. А. Блока). С. 2–3.

[30] Бунин в данном случае путает заголовки двух статей Блока, напечатанных в начале 1918 г. в левоэсеровской газете «Знамя труда» в составе публицистического цикла под общим названием «Россия и интеллигенция». Цикл включал семь статей: «Интеллигенция и революция» (1918), «“Религиозные искания” и народ» (1909–1916), «Народ и интеллигенция» (1908–1918), «Стихия и культура» (1908–1918), «Ирония» (1908–1918), «Дитя Гоголя» (1909–1918), «Пламень» (1913–1918). В своей «заметке» Бунин цитирует именно статью «Интеллигенция и революция», вышедшую 19 января (1 февраля) 1918 г. Другая статья Блока — «Народ и интеллигенция» — была опубликована через две с половиной недели, 6(19) февраля. Впервые она увидела свет в 1909 г. в № 1 журнала «Золотое руно» под заглавием «Россия и интеллигенция» и представляла собой текст доклада, прочитанного Блоком 13 ноября 1908 г. в Религиозно-философском обществе.



Думаю, что она легко разрешает бесконечные газетные гадания: с кем был Блок? Уж чем-чем, а “тайнами” она не блещет, равно как и “Двенадцать”, о коих наговорено столько высокопарной чепухи, несмотря на то, что даже в самом этом заглавии есть указующий перст...»[31].

Бунин словно нарочно забыл о древнем этическом принципе: de mortuis aut bene aut nihil (о мертвых или хорошо, или ничего), предпочитая, по своему обыкновению, teneras aures mordaci radere vero (терзать нежные уши жестокой правдой). В этом не было никакого стремления к эпатажу — Бунин, безусловно, *был уверен* в правдивости и правоте своих слов. Другое дело, что *объективно* эта уверенность основывалась на отчасти ошибочных предпосылках.

Явно не зная содержания последних устных и печатных выступлений Блока — например, его речи «О назначении поэта» (1921) и стихотворения «Пушкинскому Дому» (1921), в которых современникам слышалось глухое проклятие режиму, — Бунин по привычке (с весны 1918 г.) продолжал считать поэта «отъявленным большевиком». Хотя тот, как известно, тяготел к левым эсерам (за что после их разгрома несколько дней провел в камере петроградской «чрезвычайки»), и свои будто бы «большевистские» произведения: «Интеллигенция и революция», «Скифы» и «Двенадцать» — напечатал не в «Правде» или «Известиях», а опять-таки в левоэсеровской газете — «Знамя труда»[32]. Однако и с эсерами связь Блока во многом была случайной; во всяком случае она не имела никакой политической подоплеки (Блок вообще был далек от политики).

Тем не менее Бунин — как целый ряд других представителей интеллигенции, не принявших Октябрьскую революцию, — видимо, не давал себе труда вникать в подобные «оттенки смысла», толкуя понятие «большевизм» весьма широко[33]. Блок для него был

[31] ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Дело 1672. Л. 1, 4.

[32] См.: *Блок А.* Интеллигенция и революция // Знамя труда. 1918. 19 янв. (1 февр.). № 122. С. 2–3; *Он же.* Скифы // Там же. 20 (7) февр. № 137. С. 4; *Он же.* Двенадцать // Там же. 3 марта (18 февр.). № 147. С. 2. Е.В. Иванова в своем капитальном труде о последних годах жизни Блока предлагает (на наш взгляд, вполне обоснованно) воспринимать эти произведения как своего рода «трилогию».

[33] См., напр., запись от 2 июня 1918 г. в дневнике З.Н. Гиппиус: «Интенсивно “работает” Блок; левые эсеры, т.е. те же большевики мелкого калибра, всего его без остатка “взяли”, — как женщину “берут”» (*Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 2. С. 128).

«большевиком» просто потому, что в своей послеоктябрьской «трилогии» «воспевал» восставшую голытьбу, оправдывал некими «высшими целями» ее варварские действия, грозил от ее имени «старому миру» «невиданными мятежами» и катастрофами[34]. Очевидно, Бунин не допускал мысли, что со временем поэт мог изменить свой взгляд и на «голытьбу», и на то, что она творила.

Не вникал «почетный академик по разряду изящной словесности» и в «потайной», мистический смысл блоковских революционных «откровений». Бунину был глубоко чужд тот особый тип религиозно-философского мышления, который *смолоду* был присущ поэту и в котором причудливо соединялись христианская эсхатология, соловьевский «панмонголизм» и вагнеровско-ницшеанская «философия музыки». Примерно таким же типом мышления обладали А. Белый и Р.В. Иванов-Разумник. В отличие от Бунина, все трое, а также их немногочисленные адепты — в том числе сгруппировавшиеся вокруг литературно-художественных сборников «Скифы» (Пг., 1917–1918), — не только не страшились «катастроф», но, напротив, всячески их приветствовали, «прозревая» даже в самых кровавых и подлых «эксцессах» революции свершение предреченного Иоанном Богословом, а в ватагах отребья, подобных «двенадцати», — новых Христовых «апостолов»[35].

Именно такое отношение к происходящему имел в виду Бунин, когда в апреле 1918 г., отвечая на анкетный вопрос «Что делать?» московской газеты «Родина», призвал русскую интеллигенцию «твердо стать на путь разрыва с “нас возвышающими обманами” и всяческой фразой, особенно же фразой на лады мистические и вообще мессиански-пророческие, звучащей в такие дни, как наши, величайшим кощунством и бесстыдством, если только не простым идиотизмом...»[36]

[34] Не один Бунин видел в пореволюционном творчестве Блока признаки «большевизма». Если полистать столичные и провинциальные газеты начала 1918 г. с откликами на блоковскую «трилогию», то станет ясно, как возникла эта, оказавшаяся столь живучей, легенда о «большевизме» поэта.

[35] Особенно показательна в этом смысле статья Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» (1918), которая в ряде изданий «Двенадцати» и «Скифов» играла роль предисловия. См., напр.: *Блок А.* Двенадцать. Скифы / Предисл. Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». СПб., 1918; *Блок А.* Двенадцать / Вступит. ст. Иванова-Разумника. Одесса, 1918; *Иванов-Разумник*. Испытание в грозе и буре; *Блок А.* Скифы. Двенадцать. Берлин, 1920. По поводу одного из таких изданий З. Гиппиус язвительно заметила, что в нем «большая часть текста принадлежит <...> Иванову-Разумнику, а меньшая — Блоку. <...> Как бы г. Разумник — с послесловием Блока» (*Крайний А.* [*Гиппиус З.Н.*] Неприличия // Современное слово (Петроград). 1918. 16 (3) июня. № 3554. С. 1). См. также поэму А. Белого «Христос воскрес» (1918), статьи Блока «Искусство и революция» (1918), «Крушение гуманизма» (1921), его же дневники и записные книжки 1917–1921 гг.

[36] *Бунин Ив.* <Ответ на анкету «Что делать?»> // Родина (Москва). 1918. 28 (15) апр. № 18. С. 6.



В том, что эта реплика родилась под влиянием «революционных» писаний Блока и его друзей-«скифов» А. Белого и Иванова-Разумника, убеждает бунинская дневниковая запись, сделанная примерно в то же время — в ночь на 17(30) апреля 1918 г. Подводя итог своим очередным уличным наблюдениям, Бунин, как будто «ни к селу ни к городу», замечал: «А Айхенвальд — да и не один он — всерьез толкует о таком ничтожнейшем событии, как то, что Андрей Белый и Блок, “нежный рыцарь Прекрасной Дамы”, стали большевиками! Подумаешь, важность какая, чем стали или не стали два сукина сына, два набитых дурака!»[37]

Как бунинского Адама Соколовича раздражала манера Ф.М. Достоевского «совать» Христа «во все свои бульварные романы»[38], так самого Бунина приводила в ярость привычка Блока применять к любым явлениям жизни свою отвлеченную «музыкально»-мистическую доктрину — по мнению писателя, одновременно несуразную и кощунственную. Разительно противоположны были взгляды двух художников на одни и те же события. То, что Блоком воспринималось как торжество «истинной» культуры, «истинного» христианства, для Бунина было крушением самих основ того и другого.

Потому-то в блоковской «трилогии» 1918 г. писатель не хотел видеть ничего, кроме «пошлого языка» и «приступов кощунства» по отношению к России, церкви, культуре, элементарной человечности, здравому смыслу и даже самому Спасителю[39]. Если продолжить аналогию с Соколовичем, то можно сказать, что в глазах его автора Блок «переплюнул» Достоевского, когда «заставил» Христа «в белом венчике из роз» «танцевать» с красным флагом впереди лихой дюжины красногвардейцев. «Смысл “Двенадцати” тоже весьма нехитрый, — рассуждал по этому поводу в «Музыке» Бунин: — да, конечно же, эти двенадцать — апостолы дела Христова. Дело делается “по-дурацки”, но с “музыкой”. Делается нелепо, порой даже зверски, “да вы что же, идиллии хотели?” Суть-то дела все-таки от Христа, ведет-то его, — пусть среди “вьюги”, — все-таки Христос...»[40].

[37] *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 8 т. / Сост. А.К. Бабореко. М., 2000. Т. 8. С. 62. Бунин имел в виду статью Ю.И. Айхенвальда «Псевдореволюция» (Накануне (Москва). 1918. 28 апр. № 4. С. 2–3).

[38] *Бунин И.А.* Собр. соч. Т. 4. С. 235.

[39] К слову: совершенно так же к этой «трилогии» отнесся, напр., Айхенвальд (см.: *Айхенвальд Ю.* Революция — не спектакль // Раннее утро (Москва). 1918. 21 февр. № 26. С. 1; *Он же*. Псевдореволюция. С. 2–3).

[40] ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Дело 1672. Л. 4. В приведенной цитате содержатся отсылки к разным местам в статье Блока «Интеллигенция и революция»: «Надо вот сейчас понять, что народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился и что в его мыслях, для старших братьев если не враждебных, то дурацких, есть великая творческая сила. <...> Что же вы думали? Что революция —

И еще Бунин не мог простить бывшему «нежному рыцарю Прекрасной Дамы» его призыва, обращенного к оскорбляемой на каждом шагу интеллигенции: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»[41]. Почему его так задевала эта блоковская «музыка Революции»? Ответ на этот вопрос можно найти в одном из «выпусков» бунинской «Записной книжки» и в первой (газетной) версии «Окаянных дней». В этих произведениях писатель как бы сопоставляет грубую, жуткую, кровавую реальность с «музыкальными» «прозрениями» Блока.

«Записная книжка»: «...А на остановке, на Лубянской площади, в вагон, в толпу, пробивается женщина с крохотным розовым гробиком в руках, визгливо крича кондуктору:

— Господин кондуктор! Господин кондуктор! У вас в трамвае с маленькими покойничками пущают?

И писарь злорадно хохочет:

— Покойнички! Кутья, венчики, во блаженном успении! Ну, да ничего, скоро уж, скоро! Будет вам хо-рошая музыка!

Так услыхал я про эту музыку впервые, — от писаря. А второй раз через год после этого, — от Блока...»[42].

«Окаянные дни», запись от 8 февраля 1918 г.: «Приехал Д., — бежал из Симферополя. Там, говорит, “неописуемый ужас”, солдаты и рабочие ходят прямо по колено в крови. Какого-то старика полковника живьем зажарили в паровозной топке. А наряду с этим — статьи господ Блоков...»[43].

То, что Блок называл «величавым звоном и ревом мирового оркестра», для Бунина было все той же «русской музыкой», о которой еще в его «Деревне» Кузьма Красов говорил брату — Тихону Ильичу: «Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слова одно, а дело — другое! Русская, брат, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!..»[44].

### «Одно слово — “да” или “нет”...»

Дата создания бунинской «заметки» в точности неизвестна. Скорее всего, она была написана во второй половине августа — начале сентября 1921 г.: именно на этот период приходится пик газетной дискуссии о «большевизме» Блока, которая и вынудила Бунина взяться за перо.

идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька?» (*Блок А.* Интеллигенция и революция. С. 2–3).

[41] *Блок А.* Интеллигенция и революция. С. 3.

[42] *Бунин Ив.* Записная книжка // Возрождение (Париж). 1927. 13 февр. № 621. С. 2.

[43] *Бунин Ив.* Окаянные дни: Москва 1918 г. // Там же. 1927. 2 апр. № 669. С. 2.

[44] *Бунин Ив.* Деревня: Повесть // Современный мир (СПб.). 1910. № 3. С. 31.



Не исключено, что непосредственный импульс к написанию «Музыки» могла дать статья М.Л. Слонима «Творческий путь Александра Блока», напечатанная в газете «Воля России» 19 августа 1921 г. Говоря о «двойном зрении», присущем автору поэмы «Двенадцать», а также о двойном, «богохульно-святом» лике изображенной в ней России, Слоним утверждал: «Для Блока нет противоречия — и в разбушевавшейся стихии хочет услыхать он великую музыку, “забывая визгливые и фальшивые ноты в величавом реве и звоне мирового оркестра”. И поэтому он был и до конца дней остался с революцией. Не с большевиками или меньшевиками, “слушая отдельные ноты”, а со своей величественной и страшной симфонией. <...> И в русской революции, и в мировом сдвиге видел он все тот же неукротимый полет к вселенскому свету, к жизни новой»[45].

Впрочем, помимо Слонима, о «музыке», «музыкальности» Блока писали также А. Ветлугин (В.И. Рындзюн) в «Общем деле», анонимные авторы «Пути» и «Нового пути». Именно с ними, а также с участниками дискуссии о политических предпочтениях Блока полемизировал Бунин в своей «заметке». Но она интересна не только этим: в обширной бунинской «антиблокиане» «Музыка» — единственное произведение, которое *от начала до конца* посвящено *исключительно* Блоку. В остальных случаях мы имеем дело лишь с более или менее развернутыми, но все равно *отрывочными* суждениями Бунина о поэте.

Свою «заметку» Бунин предназначал для «Общего дела», где он тогда чаще всего печатался. Но, разумеется, газета В.Л. Бурцева публиковать присланный из Висбадена «антинекролог» не стала — очевидно, по соображениям этического свойства: de mortuis aut bene aut nihil. К тому же позиция Бунина категорически не совпадала с точкой зрения газеты.

Не имея уверенности в том, что его «заметка» будет принята, Бунин на ее последней странице сделал приписку: «Прошу “Общее дело” *непременно* ответить мне о судьбе этой заметки *телеграммой* в одно слово — “да” или “нет”. Bunin, Hôtel Neroberg, Wiesbaden»[46]. Была ли выполнена его просьба, неизвестно — как и то, почему автограф «Музыки» остался в личном архиве Бурцева. Очевидно, именно по этой причине бунинская «заметка» на смерть Блока так и не увидела свет. Вернись она к автору, тот, может быть, предложил бы ее, например, газете «Огни» (Прага), где он начал печататься с августа 1921 г.

[45] *Слоним М.* Творческий путь Александра Блока // Воля России. 1921. 19 авг. № 283. С. 3. В цитируемом тексте имеются отсылки к статье Блока «Интеллигенция и революция».

[46] ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Дело 1672. Л. 5.

## Заключение

В 1930-х гг. Бурцев передал материалы своего архива в Русский зарубежный исторический архив (РЗИА, Прага). В 1946 г. РЗИА, вывезенный из Чехословакии в Советский Союз, поступил в Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР). В 1992 г. на базе ЦГАОР и слившегося с ним Центрального государственного архива РСФСР был создан Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Таким образом, рукопись бунинской «заметки» на смерть Блока проделала долгий извилистый путь: из Висбадена через Париж и Прагу в Москву.

В конце 2014 г. текст «Музыки» был опубликован автором этих строк в 277-й книге «Нового журнала» (Нью-Йорк).

* * *

Автор статьи благодарит за неоценимую помощь сотрудников Государственного архива Российской Федерации, Отдела литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, а также лично С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН).

## Список литературы

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. М., 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.

*Горелов А.Е.* Три судьбы: Ф. Тютчев. — А. Сухово-Кобылин. — И. Бунин. Л., 1980.

*Дякина А.А.* И. Бунин и А. Блок: соотношение творческих индивидуальностей поэтов: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.

*Иванова Е.В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012.

Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган и воспоминания Н.А. Нолле-Коган о Блоке (1913–1921) / Вступ. ст., публ. и коммент. Л.К. Кувановой // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.

*Марченко Т.В.* «...Мало бунинской атмосферы, нужна и блоковская»: Поэма А.А. Блока «Двенадцать» в художественном сознании И.А. Бунина // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2011. М., 2011.

*Смирнов С.В.* Бунинские обращения к Блоку // Александр Блок и мировая культура: Материалы научной конференции 14–17 марта 2000 г. / Сост. Т.В. Игошева. Новгород, 2000.

*Смирнова Л.А.* Блок и его связи с русской литературой начала XX в. // Художественный мир Александра Блока: Сб. научных тр. М., 1982.

*Щерба М.М., Батурина Л.А.* История болезни Блока // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

Поступила в редакцию
10.11.2014





**И.В. Объедков**, кандидат исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; доцент кафедры общественных наук Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова; e-mail: ksumballon@mail.ru

# ЖУРНАЛИСТ И.-С. НАИМСКИЙ И РУССКАЯ ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА В ЗАГРАНИЧНОЙ ПЕЧАТИ: 1915–1917 гг.

*В статье рассказывается о деятельности русского журналиста польского происхождения Иосифа-Сигизмунда Александровича Наимского в годы Первой мировой войны. Весной 1915 г. он разработал план создания негласного телеграфного агентства «Норд-Сюд», приступившего к распространению русской военной пропаганды в нейтральных, а с 1917 г. и в союзных странах. Статья написана на основе документов, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).*

***Ключевые слова:*** *Первая мировая война, русская пропаганда, агентство «Норд-Сюд», И.-С .Наимский.*

*The article deals with the military propaganda activities of Russian journalist from Warsaw, Joseph-Sigismund Aleksandrovich Naimsky, during World War One. In 1915 he became a founder of an unofficial «North and South» Telegraph Agency. It began to disseminate Russian propaganda in neutral and allied countries. The article is written primarily on the base of archive documents from the Russian archive of military history (RGVIA).*

***Key words:*** *World War One, Russian propaganda, Telegraph Agency «North and South», J.-S. Naimsky.*

## Введение

Первая мировая война породила широкомасштабную государственную пропаганду. К 1915 г. стало ясно, что ни одна из сторон не может добиться быстрой победы и вслед за мобилизацией людских и материальных ресурсов участники конфликта обратились к мобилизации ресурсов моральных и психологических. Правительства воюющих стран приступили к организации целенаправленного воздействия на настроения населения во враждебных странах, нейтральных странах и странах-союзницах [Жданова, 2008, с. 127].

Развертывание русской военной пропаганды за границей в период Первой мировой войны представляет собой малоизученную страницу отечественной истории. Спустя сто лет имена журналистов, подключившихся к этой важной политической работе, все еще остаются неизвестными даже профессиональным историкам. Самым значимым среди этих журналистов был Иосиф-Сигизмунд Александрович Наимский.